

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Научная статья

Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова

А.А. Арзамазов

Казанский научный центр РАН,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Лобачевского, 2/3
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
 arzami@rambler.ru

Аннотация. В статье в разных проблемно-тематических проекциях рассматривается творчество одного из наиболее ярких представителей современной мордовской литературы Александра Арапова. В центре внимания — сложная реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия, исследование которой позволяет сделать вывод о том, что за каждым из языков «закреплены» определенные мотивно-образные комплексы, эстетические представления, этнопсихологические установки, лингвопоэтические особенности, «голоса» традиций. Так, в русскоязычных стихотворениях А.В. Арапова главное место занимают экзистенциально-психологические мотивы, Я-субъект разбирает события своей жизни, дает им оценку, при этом преобладает негативный эмоциональный фон, обозначается несоответствие желаемого с действительным. Показательно, что в стихотворениях, созданных на русском языке, практически не получает раскрытия почти обязательная для национальной литературы тема этнической идентичности, нет примеров «подключения» этнокультурной составляющей. Среди выявленных лингвопоэтических деталей — репрезентативность инфинитивного письма. Проанализированные эрзянские тексты далеки от социальных контекстов, урбанистического бытия, в них мало рефлексии относительно остро переживаемой современности. В этом языковом блоке произведений доминирует пейзажная лирика, актуализированы образно-символические элементы мордовской этнокультуры, ощутимо влияние национального фольклора. В стихах, написанных по-эрзянски, заметно авторское стремление к языковому пуризму. Таким образом, установлено, что реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия Александра Арапова — это не просто два генетически разных языка, но и два различных художественных мировоззрения, пересечений между которыми не так много.

Ключевые слова: финно-угорские языки, мордовская литература, русско-эрзянское поэтическое двуязычие, инфинитивное письмо, эпитет, концепты, художественный образ, этнокультура, художественное двуязычие, лирический субъект, лингвокультура

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

© Арзамазов А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А. Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова. 2022. Т. 19. № 4. С. 622—636. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Research Article

The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov

Aleksey A. Arzamazov

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
2/3, Str. Lobachevsky, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Str. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation
 arzami@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problematic and thematic projections of the work of Alexander Arapov (1959—2011), one of the most prominent representatives of modern Mordovian literature. The author focuses on the complex reality of Erzya-Russian poetic bilingualism, the study of which allows us to conclude that each of the languages has certain motive-figurative complexes, aesthetic ideas, ethno-psychological attitudes, linguo-poetic features, “voices” of traditions. So, the central place in the Russian-language poems of A.V. Arapova is occupied by existential-psychological motives, the “I”-subject analyzes the events of his life, gives them an assessment, while a negative emotional background prevails, a discrepancy between the desired and the actual is indicated. It is indicative that the theme of ethnic identity, almost obligatory for the national literature, is practically not revealed in the poems created in Russian, there are no examples of “connection” of the ethno-cultural component. One of the identified linguistic and poetic details is the representativeness of the infinitive writing. The Erzya texts analyzed by the author are far from social contexts, urban life, they have little reflection on the acutely experienced modernity. In the Erzya texts, landscape lyrics are dominant, the figurative and symbolic elements of the Mordovian ethnoculture are updated, the influence of national folklore is felt. The author’s desire for linguistic purism is noticeable in the poems in the Erzya language. Thus, it has been established that the reality of the Erzya-Russian poetic bilingualism of Alexander Arapov is not just two genetically different languages, but also two different artistic worldviews, the intersections between which are not so many.

Key words: Finno-Ugric languages, Mordovian literature, Russian-Erzya poetic bilingualism, infinitive writing, epithet, concepts, artistic image, ethnic culture, artistic bilingualism, lyrical subject, linguistic culture

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A. 2022. “The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 622—636. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Введение

Одним из наиболее перспективных, но при этом институционально сложных направлений современной отечественной гуманитаристики является исследование феномена художественного двуязычия, природы творческого языкового «переключения». Содержательно-систематизирующее обращение к уникальной, стремительно исчезающей полиэтнической реальности России в литературно-художественных преломлениях, по всей вероятности, может способствовать решению некоторых важных внутренних проблем, «споров-тупиков» гуманитарной науки — отменить усталость от рассмотрения «вечных сюжетов» мировой культуры, облегчить груз «наслоений» ученых-предшественников, преодолеть часто встречающийся комплекс неактуальности изучаемого, «смягчить» острое ощущение отсутствия новых, по-настоящему фундаментальных тем, «прорывных» путей научного движения. Генетически родственные и неродственные этносы, языки, близкие и далекие с точки зрения стадияльно-типологических характеристик литературные традиции представляют собой без преувеличения очень ценный и подчас прежде не включавшийся в орбиту прочтения «живой» материал, предполагающий проведение разновекторных исследований. И если в российской лингвистике постепенно меняются тематические приоритеты, расставляются адекватные в свете глобальных гуманитарных трансформаций акценты (так, языки народов РФ, кажется, все более начинают осознаваться научным сообществом как большое проблемно-тематическое поле), то литературоведение по-прежнему медлит с очевидным. Национальные литературы России во всем их многообразии этнической притягательности незаслуженно редко становятся объектом анализа в зеркале полилингвильности и транскультурных практик. Между тем расширенный, но при этом глубинный опыт исследования кода «общего» и «особенного», очевидного и неочевидного взаимодействия языков, лингвокультур — это и редкая в рамках гуманитарно-филологического блока дисциплин возможность аргументированного теоретического моделирования, выход на новый уровень понимания своеобразия многонациональной российской идентичности, перспектива значительных этнофилософских обобщений, в основе которых — множественные миры народов.

Существование двух неродственных языков в творческой биографии, литературной лаборатории национальных писателей — явление все более распространяющееся, обусловленное как внешними факторами, так и внутренними причинами. Проблема *pro et contra* художественного билингвизма, полилингвильности на разных содержательно-тематических уровнях рассматривалась многими учеными. В нашем случае обращения к русско-эрзянским поэтическим текстам и контекстам особую значимость имеют труды В.Р. Аминовой [1], У.М. Бахтикреевой [2; 3], Р. Г. Бикмухаметова [4], Н.М. Валева [5], В.Е. Владыкина [6], Г.Д. Гачева [7], Е.А. Жиндеевой [8], З.А. Кучуковой [9], О.К. Лагуновой [10], О.И. Налдеевой [11], К.К. Султанова [12] и др.

Одна из бесспорных вершин мордовской (эрзянской) поэзии — творчество Александра Васильевича Арапова (1959—2011). Родившийся в Мордовской АССР поэт сыграл значительную роль в развитии национальной художественной традиции. Он с детства пребывал в стихии словесности, отправлял свои первые сти-

хи в районную газету («Новая жизнь»), в московские издания («Пионер»). Первые пробы пера не остались незамеченными, их публиковали. После окончания школы с золотой медалью Александр Арапов поступает на филологический факультет Мордовского университета. Когда появилась возможность — переводится на факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Последующая учеба в Москве стала благодатной почвой для полноценного творческого взросления. Мотивированное общение со столичными литераторами (наставниками и сверстниками) привело не только к завязыванию нужных в плане профессионального продвижения связей, но и существенно расширило представление молодого писателя о том, какими могут быть миры поэтического искусства. Москва в какой-то степени стала для Арапова своей, в московских газетах, журналах иногда печатались его стихи, интервью с ним. После возвращения в Саранск какое-то время Арапов работал корреспондентом в газетах, но главным местом его писательского, личного раскрытия становится журнал «Сятко» («Искра»). Считается, что при Арапове это издание вышло на новый уровень, превратилось в центр эрзянской литературной жизни. Александр Васильевич Арапов как оригинальный поэт и активный участник национальных культурных процессов не был обделен вниманием. Об этом косвенно свидетельствует достаточно большое количество наград, премий (например, финская премия Матиаса Кастрена). Вместе с тем отношение к нему в писательских кругах Мордовии было неоднозначным, непростым. Наверное, иначе и быть не могло. Безвременная кончина Арапова несколько сместила фокус прочтения его произведений. Постепенно приходит признание его большого литературного таланта, появляются более точные оценки написанного им. Невзирая на наличие литературоведческих, критических работ, обращенных к его стихотворениям, художественный феномен Александра Арапова нельзя назвать глубоко и разносторонне осмысленным.

Обсуждение

А.В. Арапов писал на двух языках — эрзянском и русском. Важно подчеркнуть, что художественное двуязычие среди финно-угорских народов России в большей степени свойственно именно мордве. Этому есть ряд объяснений. Мордовский этнос (в первую очередь эрзяне) — этнос дисперсного расселения. Ощутимая «разбросанность», отсутствие «работающих» больших лингвокультурных изменений ожидаемо приводят к утрате языка предков, к массовому переходу на русский. Местоположение Мордовии, окруженной русскими регионами, также существенно влияет на языковые предпочтения, языковую ситуацию в целом. Показательно, что эрзянский язык лучше сохраняется в диаспоре, значительное количество представителей национальной гуманитарной интеллигенции — выходцы из Самарской, Нижегородской, Оренбургской, Ульяновской областей, Республики Башкортостан. Поэтому естественность интенсивного, формирующего творческую личность этнофора присутствия русского языка становится одним из ключевых условий для возникновения мордовско-русского художественного билингвизма. Более того, происходит постепенное и последовательное переосмысление языковой природы национальной литературы. Очевидно, что современный мордовский писатель может быть только русскоязычным. Приме-

чательно, что русский язык мордовских писателей (в том числе Александра Арапова) лишен часто встречающихся в текстах «переключившихся» элементов не-правильности, грамматических, стилистических «заблуждений».

И все же поэтическое двуязычие, сосуществование / регулярное «переключение» языков в творческом сознании приводят к появлению / проявлению в системе текста не совсем типичных для данной художественной традиции, «грамматики литературы» форм, конструкторов. В русскоязычных стихотворениях А. Арапова повсеместно представлено инфинитивное письмо. Высокая степень инфинитивности фиксируется и в аналогичной ситуации у мокшанки Раи Орловой, перешедшей в своих поэтических поисках с родного на русский. По всей вероятности, поэт в условиях смены «лингвокультурного трека» ищет опору в новом языке творчества. И инфинитивное письмо — один из специфических языковых стержней, поддерживающих писателя «текстопорождающих центров». Частотность употребления инфинитивных конструкций у Александра Арапова не может не обратить на себя внимание. Фактически автор разговаривает с читателем / самим собой при помощи разветвленных инфинитивных серий:

*Буду жить и добро наживать,
Наряжать своих дочек — кровинок,
Вырезать из «Веселых картинок»
Самodelкина и Буратино
И при этом совсем не зевать.
Буду жить и себя не жалеть,
Не пора ли терпенью учиться.
Черт возьми, перестану лениться, —
Жизнь уходит и не повторится,
И ее уже нету на треть.*

*Полоса неудач, несладуха...
И хватило бы, Господи, духа
Не упасть, разрыдавшись, в траву,
Не расплакаться в чью-то жилетку,
Не царапать в отчаянии клетку —
Вражьи козни и злую молву.
И хватило бы, Господи, духа
Не кричать от нелепого слуха,
Не сломаться ни нынче, ни впредь;*

*Одиноки и печальны
На закате купола.
Расставаться, удивляться,
Изумляться — жизнь б ы л а...
На пороге у безмолвья
Задыхаться от бессилья.*

*Не казаться мне надо, а быть
И расписывать дни на листочке.
Чтобы вдруг не споткнуться на кочке,
Буду чувства держать на замочке,
И, попробуйте, злыдни, открыть.
Буду жить, буду правду искать,
К умным людям ходить за советом,
К добрым людям ходить как за светом.
Только бы ненароком при этом
Не забыть им «спасибо» сказать [13. С. 17];*

*И искать у дороги спасенья,
И искать у окраин терпенья,
И однажды душой просветлеть.
И тогда, осененный и ясный,
Со своею душою согласный,
По деревне осмелюсь пройти.
Понесу в себе светлое чувство,
А идти буду тихо и чутко,
Чтобы не расплескать по пути [13. С. 22];*

*А за окнами — молчанье,
В белом саване Россия.
Вслед себе смотреть и плакать,
Отвернуться и уснуть.
...Снег в России грустный-грустный,
Тихий, как последний путь [13. С. 36].*

Инфинитивное письмо в стихотворениях А. Арапова может фигурировать как в сильной, так и в ослабленной участии вспомогательно-сопутствующих синтаксических элементов семиотико-грамматической позиции. Однако почти всег-

да инфинитивные серии в стихотворениях Александра Арапова характеризуются значительной протяженностью, играют ключевую роль в конструировании синтаксического целого. Инфинитивное письмо в структуре поэтического языка — один из основных агентов художественной коммуникации, грамматическая доминанта-сигнал. Речь может идти об устойчивом диапазоне экзистенциально-психологических контекстов, наиболее важных для поэтико-синтаксической экспликации. Инфинитивы Арапова нередко дополнены отрицательной частицей «не», указывающей не только на несогласие с определенным действием или состоянием, но и свидетельствующей о невоплощенности лирического субъекта / автора в действительность нормальной человеческой жизни. Среди мотивов, ситуаций, описанных при помощи инфинитивов, — «программирование» своего будущего, проговаривание правильных и неправильных сценариев судьбы, обозначение собственных внутренних реакций, связанных с разными жизненными обстоятельствами. Инфинитивные серии в стихотворениях Александра Арапова раскрывают темы необратимости времени, невозвратности прошлого, высвечивают мучительную реальность переживания расставания, поэтическую оторванность лирического героя от проблем и их решения в настоящем.

Инфинитивные «прорывы» в поэтическом мире А. Арапова случаются и когда прописывается экзистенциальная сложность топоса, например города:

В этом городе унылом,
Где друг друга так не любят,
Скрыться, спрятаться, закрыться
В память, в общую тетрадь.
Притаиться, отмолчаться,
Белым светом *надышаться*
И... *влюбиться* в этот город
Перед тем, как *умирать*... [13. С. 8].

Нельзя исключить и процесс «интертекстуальной подпитки» инфинитивности у Александра Арапова. По мере творческого взросления эрзянский поэт все чаще обращался к русской и мировой литературе, представленным в них с художественной точки зрения убедительным инфинитивным образцам, моделям.

Следующая яркая лингвосомиотическая особенность русскоязычной поэзии А. Арапова — употребление большого количества эпитетов. И если известный поэт Евгений Рейн в качестве универсального совета предлагал начинающему Иосифу Бродскому отказаться от эпитетов, прилагательных, то А. Арапов, напротив, в своих текстах достигает высоких показателей «прилагательной концентрации»:

В этом городе *постылом*,
В этом городе *усталом*
Хрустнешь веточкой и вздрогнешь...
И летит твой день *тревожный*,
Весь *продутый*, весь *порожный*,
Серый, пасмурный, ничтожный... [13. С. 7];

Я уводил ее
На *голубой* мороз,
В *душистый* снегопад...
Как брошена небрежно
На *молодой* сугроб
Рябиновая кисть
Той женщиной моей,
Застенчивой и *нежной*... [13. С. 11];

Звездой *высокою* дыша,
Любуясь этим миром *нежным*,
Он вдруг почувствует, как прежде,
Что жизнь чертовски *хороша*... [13. С. 31].

Перманентная актуализация эпитетов — явление, предполагающее разносторонние выводы не только эстетического, поэтологического, но и психологического, когнитивного плана. Вероятно, «прилагательный феномен» Арапова — это и ментально обусловленная устремленность к «раздаче» характеристик (себе, другому, явлению, процессу), выражение ассоциативного мировосприятия, проекция коммуникативной природы индивидуальности поэта, замещение мыслительных пауз в структуре текста, творчески раскрываемое предположение о том, что и сложные, спорные состояния должны иметь свои определения.

Важное измерение бытия Александра Арапова — молчание, тишина. Эти слова-состояния-сигналы пронизывают многие стихи. Констатация молчания / тишины, как правило, стихотворно обозначается на фоне многоголосия, неуспокоенности, «криков» внутренней жизни лирического Я:

На пороге у *безмолвья*
Задышаться от бессилья.
А за окнами — *молчанье*,
В белом саване Россия [13. С. 5];

Что ты ходишь так печально,
Так отчаянно *молчишь*? [13. С. 7];

Нам не простят наивной простоты,
Нам отомстят за *долгое молчанье*... [13. С. 9];

Есть таинственная сила
У *осенней тишины* —
В ней дыхание могилы,
Бездна сорванной струны.
И в *безмолвном карнавале*,
В зябком трепете звезды
Обещание печали
И предчувствие беды... [13. С. 24];

Нет у меня слов —
Они остались для молитвы.
С возрастом мы глуше,
С *опытом молчанья*... [13. С. 49].

Одна из удивительно парадоксальных сфер отсутствия в поэтическом творчестве А. Арапова — обращение к этнической тематике, комплексу эрзянских символов, мотивов. Почти полное замалчивание мордовских тем, думается, не случайно. Предположительно, это осознанное дистанцирование поэта от больших и нерешаемых проблем исчезновения родного языка, заметное сужение границ национальной культуры. Арапов в пределах сборника «Взмах» ограничивается одним-единственным четверостишием, приоткрывающим трагизм бытования этноса:

В Мордовии зимы — русские,
Песня — русская,
Письма — на русском,
И только плач — на своем [13. С. 28].

Мордва — народ, у которого в большей степени, чем у других народов, размыта этническая идентичность. И в ракурсе такой «незаполненности» могут рассматриваться полярные этнопсихологические проявления — радикальные претензии к государству (феномен газеты «Эрзянь мастор»), интенсивное эрзяно-мокшанское взаимонепонимание, художественное нивелирование какой-либо этнической составляющей этнофора, отказ от «своего».

Один из центральных мотивов поэзии А. Арапова — несовпадение желаемого с действительным, ожиданий с реальностью. Лирический герой А. Арапова в таком роковом несовпадении не видит своей вины. Напротив, он живет насыщенно-сложной жизнью, пытаясь найти себя в разном, по-разному. Так, стремление быть физически сильным в итоге оказывается ложным направлением саморазвития. Поэтически постулируемый вывод — человек прежде всего должен обладать силой духа, быть готовым к тому, что судьба не будет всегда благосклонной. Автор в целой серии стихотворений как бы между строк формулирует мысль о том, что несбывшиеся надежды, ожидания — своеобразный вариант нормы. Человека неправильно осуждать за то, что ему не повезло, не хватило сил, терпения, мудрости.

В тексте «Мы разве жили как хотели?» людям вновь отказывается в подлинной самостоятельности движения по жизни. На этот раз «ведомость» объясняется социально-экономическими, идеологическими обстоятельствами, завуалированно представлены контексты советского и постсоветского времени. Свободный художник, поэт оказывается ненужным ни старой, ни новой эпохе. В последней строфе вводится метафора чужой реки, выразительно олицетворяющей переживаемую героями современность:

Мы разве жили как хотели?
Мы говорили как велели...
И лишь вполголоса мы пели,
А в голос разве мы могли?
Судьбе угодно — чтобы в пешках?
Кому — орел, кому-то — решка.
И только бойкие не мешкали
И проходили в короли.

Черт знает как мы уцелели.
А кое-что ведь мы имели.
Но записали нас в Емели
Святые наши дураки.
Вот так и жили — как умели.
Вот так и жили — как велели.
А что мы ждали, в самом деле,
На берегу чужой реки? [13. С. 96].

Мотив лично-экзистенциального несовпадения с эпохой «осложнен» и осознанием быстротечности жизни, стремительным завершением «праздника» молодости. Во многом ошибочное понимание пределов своего возраста, интуитивное опасение переходности *fin de siècle* находят отражение в стихотворении «Конец бал... Перекресток и — красный...» [13. С. 36]. Лирический субъект, по-видимому, опирается не только на собственные «кризисные пороги», но и управляет укоренившимися в мировоззрении отечественной культуры стереотипами о «привилегии» поэта умереть молодым. Ему начинает казаться, что возраст Христа — это некая конечная точка полноценной жизни. Дальше — красный свет перекрестка, «разбитые бокалы» судьбы, пасмурное небо бессмысленного существования. Подобное трагически искаженное «программирование» своего жизненного пути не проходит просто так — ранний уход Александра Арапова тому прямое свидетельство.

Очередной возрастной границей, чертой становится сорокалетие, ассоциируемое с пустотой:

Мальчик, проспавший Пасху,
Стоит посреди опустевшего пустыря
С пустым китайским мешком
И слезы о куртку болоньевую вытирает [13. С. 78].

Александр Арапов писал антивоенные стихи. Он относится к тому поколению мужчин, писателей, кого непосредственно могла коснуться война в Афганистане. «Афганские» стихотворения из книги «Взмах» в первую очередь отличаются наличием документальных сюжетно-ситуативных пластов, раскрывающих личные истории тех, кто потерял на войне своих сыновей: звучат имена погибших, указывается их возраст, приводятся топоры смерти, указываются подробности гибели, похорон. Поэт изображает убитых горем родителей, противопоставляет им «румяных, статных военкомов». Тексты включают в себя реплики, открытые и скрытые монологи разных лирических субъектов, имеет место полифония реакций, эмоций. При этом единственная оценка происходящего — осуждение, неприятие. Риторически акцентированные эпитеты Арапова обращены к своей стране. Изображаемые в произведениях переживания, плач по погибшим сыновьям, осознание невозможности предотвратить напрасные войны, смерти, — «согласованные» с художественной концепцией А.В. Арапова состояния: в орбиту поэтизации попадает маленький человек, который почти не принадлежит самому себе. Его внутренние «бури», страхи, страдания «замкнуты», никому не интересны. Окружающий мир или откровенно враждебен, или равнодушен к героям стихотворений.

Кроме «афганских», в книге «Взмах» выделяется «больничной» блок стихотворений. Локус больницы в этих произведениях раскрывается сквозь призму постоянной смены состояний лирического Я. В замкнутых стенах обостряется восприятие внешнего и внутреннего. Очевидна необычайная частота «переключений» с другого, других на себя. Мелькание пейзажа за окном, фиксация белизны стен и потолка, то крики, то молчание души, то холод предчувствия смерти, то духота больничной жизни характеризуют «заключенную» повседневность героя. Обо-

значенные стихи прежде всего интересны как опыт художественной текстуализации психологии больного. Поведение лирического субъекта не лишено оттенков агрессии — у него вызывают раздражение, неадекватно-враждебную реакцию обыденные вещи. В улыбке незнакомого он видит усмешку, в идущем за окном — проходимца, во взгляде продавщицы он обнаруживает отталкивающий сытый взгляд [13. С. 90—92].

Эрзянские тексты Александра Арапова требуют специального монографического рассмотрения. Это работа филологов, литературоведов, в совершенстве знающих национальный язык. Мы же ограничимся некоторыми наблюдениями, которые позволяет сделать наш уровень владения эрзянским. В орбиту прочтения попали тексты из двуязычного сборника «Жест» (2010), увидевшего свет за год до смерти поэта. Написанные по-эрзянски стихи характеризуются простой, строгой рифмовкой. Кажется, что поэт пренебрегает возможностями родного агглютинативного языка, располагающего широким спектром аффиксов, не самыми прозрачными законами ударения. Поэт не ставил перед собой цель привести разнообразие в рифмовые традиции мордовской лирики. Именно в эрзянском сегменте заметно стремление автора создавать песни. Такой жанровый статус нередко подчеркивается заглавием: «Цёрань моро» («Песня парня»), «Тейтерень моро» («Песня девушки»), «Моро Санядо» («Песня о Сане») и др. При всей простоте конструкции таких стихотворений нельзя не обратить внимание на естественное, непоказное богатство их словарного состава. Александр Арапов, что очень важно, в своих произведениях проявляет высшую стадию гармоничного бытования живого языка. В измерении текстов почти нет элементов искусственности, чрезмерного языкового созидания, излишнего употребления русских заимствований.

Эрзянские стихотворения Александра Арапова в значительной степени ретроспективны, в них много прошлого. Это тексты-возвращения в деревенское детство, юность, тексты-воспоминания об отце и матери. Фактически это опыт творческого, экзистенциального соприкосновения с аутентичным миром эрзянского этноса, погружение в пространство полузабытых обыкновений, этнокультурной повседневности эрзи. В произведениях, написанных на эрзянском, значительное место занимает изображение природы. Вероятно, сам язык подводит автора к актуализации определенных тем, сюжетов. Большое распространение получает мотивно-образный кластер времен года. Преобладают стихотворения о весне («Сась тундо! Тундо токась минек велес» («Пришла весна! Весна прикоснулась к нашей деревне») [14. С. 132], «Бабай, тундо» («Бабушка, весна») [14. С. 140], «Окойники таго учовсь тундось» («Наконец-то, снова дождалась весны») [14. С. 142]).

Обратимся к некоторым образцам эрзянской «половины» творчества А. Арапова. В стихотворении «Гигаксинть гагат! Гигаксинть гагат!» («Гогочут гуси! Гогочут гуси!») передается свойственная поэтической манере Арапова медитативная меланхолия, на первый символический план выходит обращенность внутренней жизни к прожитому и прошедшему. Улетающие гуси, опадающие листья, первые холода как бы настраивают лирического субъекта на особый лад философского отношения к быстротечности времени. Эти процессы перестройки себя, привыкания к невозвратности взрослым человеком мучительны и непредсказуемы. Яр-

кую реализацию заявленная тема получает благодаря эстетическому воздействию природной образности:

Гигаксинть гагат! Гигаксинть гагат!
 Вай, кода рангить! Вай, Верепаз!
 Нусманя кеняркс оймезэнь валыть,
 Вайгельсэст увтить тов — ютазь шкас.
 Матраты сэрем, кундаты келем,
 Зыйть юты эзган — ризкстнэ пицить.
 Кунсолы ойдем, чатьмони велем,
 Гигаксинть галат галат ливтить.
 Гигаксинть галат... Курок якшавты.
 Сёксь сам ушонть, лопатне прыть...
 Гигаксинть галат... Мезде мелявтат?
 Валдо од шкатне мекев а сыть.
 Гигаксинть галат... менелесь олась,
 Сэпшть мери коштось, потмура чись.
 Менстязесь — менстязь,
 Колазесь — колазь.
 Ёвтазесь — ёвтазь... истя уш лиссь.
 Менстязесь — менстязь...
 Шкантиень а вельмемс,
 Прядовсь од порат, прядовсь одксчить...
 Кунсолок, ойдем. Кунсолок, велем:
 Гигаксинть галат... галат ливтить...

(Гогочут гуси! Гогочут гуси!
 Ой, как кричат! Ой, Всевышний!
 Грустную радость мне в душу льют,
 Голосами своими тянут туда — в прошлое.
 Осядет мой рост, отнимется язык,
 Мурашки пробегут по мне — печали жгут.
 Слушает моя душа, молчит мое село:
 Гогочут гуси, гуси летят.
 Гогочут гуси... Скоро похолодает.
 Осень берет улицу, листья опадают...
 Гогочут гуси... О чем ты тревожишься?
 Светлые молодые времена назад не вернуться.
 Гогочут гуси... небо полиняло,
 Горчит воздух, день пасмурный.
 Упущенное — упущено,
 разбитое — разбито,
 Сказанное — сказано... так уж вышло.
 Упущенное — упущено...
 Времени не возродиться,
 Кончилась твоя молодая пора, кончилась
 молодость...
 Слушай, душа моя. Слушай, село мое:
 Гогочут гуси... Гуси летят...).

[14. С. 167]

Среди написанных по-эрзянски есть стихотворения, в которых сквозь призму различных психоэмоциональных деталей приоткрывается внутренний мир девушки / женщины. Необходимо подчеркнуть, что женские образы в таких художественно-поэтических преломлениях мало похожи на «араповских» героинь русскоязычных стихов. Там социально ангажированные, меркантильно озабоченные ненадежные дамы, не умеющие любить и ждать. В эрзянских отображениях это женщины одновременно реалистичные и мифологизированные, ведущие себя исходя из неких имплицитных правил, неведомых чужим субъектам загадочных предписаний. В действительности русских стихотворений А. Арапова женщины вписаны в легко понимаемый сюжет, максимально приближены к нормальной стандартной повседневности. Окружающие эрзянскую стихотворную героиню условия не всегда прозрачные, иногда ускользают от окончательного, полного понимания. Все перечисленное позволяет сделать предположение о том, что в символическом центре этого тематического блока произведений в той или иной степени раскрытия — традиционная картина мира этноса, этнопоэтические константы, лишь частично подвергшиеся «деритуализации фольклорного дискурса» (С.Ю. Неклюдов). В «Песне девушки» («Тейтерень моро») образно-мифологический пласт особенно репрезентативный: пляска гусыни, недосыгаемые дали, земляника, ассоциативная кодификация телесности, смешение темпораль-

ных планов и др. Просматриваются отсылки и к образной системе финно-угорского свадебного фольклора. Стихотворение «Ава лайши» («Женщина рыдает») в меньшей степени, чем предыдущее, открыто перекликается с фольклором. Однако в данном случае предположительно воспроизводятся отдельные этноментальные черты, этногендерные особенности. Очевидно, что женщина остается наедине со своими печалью и обидами. По-видимому, у них не принято, считается неправильным делиться своими переживаниями с мужчиной, нельзя выносить сор из избы. Нужно самой разобраться в себе. Природа заочно явлена как живая реагирующая субстанция, которая может принять, понять женскую боль:

Кода эзинь мелявто,
Иень ютазь велявты,
Иень ютазь велявты,
Чаравтсамам монь.
Вешимим ды вешнимим,
Пиже толсо эждимим
Астувтовикс тештинем —
Вечкемам умонь
Киштвэтьсама мацейнекс,
Токавтсамам васолкстнэс,
Ды якстере зорява
Стувтса эсень прям.
Кстыень танстесь — турваван,
Тикшень лембесь — прячерьган,
Сельведь байгесь — чамаван...
Палы монь чамам.
Ах, вечкемам-валдынем,
Кизэсь, лембе ялгинем,
Тикше ацась алганок,
Лангозонзо пран.
Тонтеметь а эряван.
Чейнес верьс мон керяван,
Аисяк мон а серьгедян —
Пейдеме карман [14. С. 176]

(Как я ни тревожилась,
Через год вернется,
Через год вернется,
Закружит меня/поухаживает за мной.
Выпросил меня и отыскал меня,
Зеленым огнем согрел,
Незабвенная моя звездочка —
Любовь давняя.
Заставит-позволит меня/мне сплясать гусыней,
Заставит-позволит дотронуться до далей,
И на красной заре
Забуду себя.
Земляничный вкус — по моим губам,
Тепло травы — по моим волосам,
Капелька слезы — по моему лицу...
Горит мое лицо.
Ах, любовь моя — мой свет,
Лето, теплый мой дружок,
Траву постелило под нами,
На нее упаду.
Без тебя жить не могу.
Об осоку в кровь порежусь,
Только я не вскрикну —
Смеяться буду);

Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши баня кудыкеле.
Авась тесэ кидеяк а визди,
Авась тесэ кидеяк а пели.
Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши, седеензэ штавты.
Муськи-муськи — потмо вайгельс каи,
Чови-чови — сельведне петнявты.
Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши, мезеяк а кекши,
Вай, иля чикордо, умарь чувто...
Вай, иля чикордо,
сыре пекше...

(Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает в предбаннике.
Женщина здесь никого не стесняется,
Женщина здесь никого не боится.
Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает, сердце обнажает.
Стирает-стирает — голос изнутри подаст,
Стирает-стирает — слезинкой капнет.
Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает, ничего не скрывает.
Ой, не скрипи, яблоня...
Ой, не скрипи, старая липа...
Женщина рыдает в предбаннике,

Ава лайши баня кудыкеле,	Женщина рыдает, боль не оставляет...
Ава лайши, сэредьксэнтъ а кады,	Вздохнет — звонкое небо замрет,
Уксты — гай менелемь таймазкады,	Ойкнет — ясная улица вздрогнет.
Вайксты — маней ушось соракады.	Женщина рыдает в предбаннике,
Ава лайши баня кудыкеле,	Женщина рыдает, на волю душу отпускает.
Ава лайши, оляс ойме менсти.	Наплачется — слезу утрет,
Лайшеви — сельведензэ нардады,	Во всю ширь земли устало выдохнет/ вздохнет/вдохнет.)
Весе модантъ келес сизезь лексти	

[14. С. 190]

Заключение

Поэтическое творчество Александра Арапова — перекресток множества тенденций, определяющих развитие национальных литератур народов России в конце XIX — начале XX столетия. Большое исследовательское внимание должно быть сосредоточено на контекстах, деталях, потерях, приобретениях, перспективах художественного билингвизма. Необходимо признать, что русскоязычные стихи Арапова восходят к русской лирике, их в целом проблематично соотносить со словесностью мордвы. Арапов, когда пишет по-русски, не стремится вводить в оборот этнокультурную компоненту. Данный пласт араповского наследия, скорее всего, должен рассматриваться в системе региональной русской литературы. Его русскоязычные стихотворения, лишённые проявленной мордовской самобытности, потенциально приводят интерпретирующего к дискуссионному и в теоретическом смысле не решённому вопросу о том, что такое национальная литература и каковы ключевые критерии отбора. Эрзянские произведения А. Арапова неверно определять как новаторские, «поворотные» в своей литературной истории. Пожалуй, приближение к стандартам городского романса можно считать некоторым опытом формально-содержательного обновления. Складывается впечатление, что именно эрзянские тексты автор рассматривал как материал для последующего песенно-гитарного исполнения,

Стихотворения А. Арапова показывают читателю человека разочарованного, потерявшего на перепутье эпох. Это непрерывные разговоры с собой, попытки беспощадно-уничужительного самоанализа, уход в иные сферы бытия. На внешнем «ярус» событийности его преследуют неудачи. Однако это субъективная точка зрения лирического героя. Он выбирает не путь социального сопротивления, интеллектуальной мобилизации, стабилизации личного, а пассивно-пессимистическое смирение, сам последовательно сужает пространство своей жизни, погружает себя в «темноту» экзистенциальной усталости.

В поэзии А. Арапова показан огромный чувственный мир. Лирический герой иногда прячется за шутками, пытается предстать перед читателем несерьёзным, но вопреки осознанно натянутой стратегии творческого сокрытия повсеместно прочитывается состояние внутреннего надлома. Арапов касается и болезненных тем неполноты этногуманитарного самовыражения — эрзянскому этнофору приходилось жить «вполголоса», хотя на фоне других финно-угорских народов России часто казалось, что именно мордва «поет в крик». Поэзия А. Арапова со сво-

ей минорной социально-психологической панорамой вписывается в картину развития современной финно-угорской литературы, в разных «разрезах» быта и бытия исследующей этнофора переходного времени.

Список литературы

1. *Аmineva В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань: Казанский государственный университет, 2010.
2. *Бахтикиреева У.М.* Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 11—17.
3. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М.: Триада, 2005.
4. *Бикмухаметов Р.Г.* Орбиты взаимодействия. М.: Советский писатель, 1983.
5. *Валеев Н.М.* Гармония культур // Избранные труды. Казань: Фэн, 2001.
6. *Владыкин В.Е.* Билингвизм в литературном творчестве: pro et contra. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск: Удмуртия, 2003.
7. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
8. *Жиндеева Е.А.* По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсеева, 2006.
9. *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.
10. *Лагунова О.К.* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007.
11. *Налдеева О.И.* Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2013.
12. *Султанов К.К.* Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. Т. 3. С. 154—162.
13. *Арапов А.В.* Взмах. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2001.
14. *Арапов А.В.* Жест. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2010.

References

1. Amineva, V.R. 2010. Tipy dialogicheskikh otnoshenii mezhdru natsional'nyimi literaturami (na materiale proizvedenii russkikh pisatelei vtoroi poloviny XIX v. i tatarskikh prozaikov pervoi tretii XX v.). Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ).
2. Bakhtikireeva, U.M. 2021. Russophone –Russophonie –Russophony – Russophonie literature – global or local words?. The Humanities and social studies in the Far East 18 (1): 11–17.
3. Bakhtikireeva, U.M. 2005. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': natsional'nyi russkoyazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta. Moscow: Triada publ. Print. (In Russ).
4. Bikmukhametov, R.G. 1983. Orbitsy vzaimodeistviya. Moscow: Sovetskii pisatel' publ. Print. (In Russ).
5. Valeev, N.M. 2001. Garmoniya kul'tur: Izbrannye trudy. Kazan: Izdatel'stvo «F n» publ. Print. (In Russ).
6. Vladykin, V.E. 2003. “Bilingvizm v literaturnom tvorchestve: pro et contra” In Mon. O sebe i drugikh, o narodakh i Chelovekakh, i..., 301–303. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Russ).
7. Gachev, G.D. 2003. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Eksmo publ. Print. (In Russ).
8. Zhindeeva, E.A. 2006. Po koordinatam zhizni. Evolyutsiya russkoyazychnoi prozy Mordovii. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M.E. Evses'eva publ. Print. (In Russ).

9. Kuchukova, Z.A. 2005. Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh publ. Print. (In Russ).
10. Lagunova, O.K. 2007. Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi). Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta publ. Print. (In Russ).
11. Naldeeveva, O.I. 2013. Sovremennaya mordovskaya poeziya: osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut publ. Print. (In Russ).
12. Sultanov, K.K. 2016. Russian Literature as a Cultural Phenomenon and an Object of Research. *Stephanos* 3: 154—162.
13. Arapov, A.V. 2001. *Vzmakh*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ).
14. Arapov, A.V. 2010. *Zhest*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. 2010. (In Mordovian and in Russ).

Сведения об авторе

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН; ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Bio Note

Aleksey Andreevich Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917